

A romantic couple is shown in profile, facing each other and nearly kissing. The woman has long brown hair in a ponytail and is wearing a light-colored sweater. The man has short dark hair and a beard, wearing a blue button-down shirt. They are in a kitchen with a large window in the background showing greenery. The scene is warmly lit.

Иван Гуляев

**Теплый камушек.
О них... О любви,
как есть...**

Иван Гуляев
Теплый камушек. О
них... О любви, как есть...

<https://litres.ru/73464268>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они сидели на кухне и молчали. Не потому, что всё понятно, а потому, что говорить уже не о чем. Даша и Костя — идеальная пара со стороны, но внутри их дома поселилась пустота. Она привыкла всё контролировать и тащить на себе. Он привык уходить в себя и мастерскую. Пять лет назад они клялись в вечной любви, а сегодня боятся разрушить то, чего уже почти нет. Смогут ли они услышать друг друга, пока не стало слишком поздно? И можно ли построить любовь заново, когда кажется, что всё уже сломано? Это книга для тех, кто знает, как трудно сохранить тепло, когда за окном зима.

Иван Гуляев

Теплый камушек. О них... О любви, как есть...

Пролог

Они сидели на кухне и молчали.

Это было особенное молчание – не то, в котором слова не нужны, а то, в котором они уже невозможны. Молчание-стена. Молчание-привычка. Молчание двоих, которым не о чем говорить, потому что всё уже сказано, выкричано, выплакано.

За окном – серый вечер. В соседних домах зажигались окна, и в каждом своя жизнь: кто-то смеялся, кто-то ссорился, кто-то просто жил.

Даша смотрела в одну точку на стене. Там, над столом, висела их фотография пятилетней давности – ещё с той квартиры, с той жизни. Они смеялись, обнявшись, и солнце падало на лица так, будто хотело сказать: «Смотрите, вот оно, счастье, ловите, пока можете».

Она тогда верила. Он тогда верил.

Костя сидел напротив, вертел в пальцах пустую кружку. Чай давно остыл, но он не отпускал её – как будто фарфор мог дать тепло, которого в комнате не было. Батареи грели исправно, но между ними стоял холод, который не пробить

никаким отоплением.

– Нам надо поговорить, – сказала она.

Он кивнул, не поднимая глаз. Сколько раз за эти годы он слышал эту фразу? Сначала – с надеждой, потом – с усталостью, теперь – с глухим раздражением, которое научился прятать глубоко внутри. Выпустишь – и всё рухнет окончательно.

– О чём? – спросил он. Голос ровный, как столешница.

– О нас. О том, куда мы катимся.

Он поднял глаза. Встретился с ней взглядом. И оба почувствовали то, что чувствуют люди, слишком долго смотрящие друг на друга в упор: не близость, а пустоту.

Она протянула руку через стол. Он взял её. Пальцы переплелись.

Но это было не то. Не тепло, не нежность, не обещание. Это была хватка. Отчаянная, судорожная хватка двух людей, которые боятся сорваться в одиночество. Каждый палец – крюк, впивающийся в чужую плоть, гарантия: ты не один, даже если внутри пустыня.

– Мы держимся за руки, – сказала она тихо. – А кажется, что тонем.

Он ничего не ответил. Только сжал пальцы крепче.

За окном зажглись новые окна. Где-то там люди ссорились и мирились, любили и ненавидели, начинали и заканчивали. А здесь, за этим столом, сидели двое, которые когда-то клялись друг другу в вечной любви, а теперь боялись даже заго-

ворить по-настоящему. Потому что настоящий разговор мог всё разрушить.

Но разве было что разрушать?

Она посмотрела на свои пальцы, переплетённые с его. И вдруг вспомнила, как всё начиналось.

Как это вообще происходит? Как из той, первой встречи, где воздух звенит, а сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет, получается вот это? Молчание, усталость, привычка быть рядом, когда уже не рядом, а просто в одной квартире?

Она закрыла глаза.

И время потекло назад.

Глава 1. Ямочка

Они встретились на открытии выставки.

Даша пришла потому, что её уговорила подруга: «Там будет один скульптор, интересный мужик, говорят, гений, но с придурью. Ты же любишь таких». Даша не любила таких. Она вообще ничего не любила в тот период – усталое после словие очередных отношений, закончившихся, не успев начаться. Но подруга умела уговаривать, и вот Даша стояла в толпе с бокалом кислого вина, рассматривая скульптуры, которые казались ей странными и пугающими.

Они были из глины, металла, каких-то обломков, собранных будто на свалке. Но в каждой чувствовалась жизнь. Не

парадная, не приглашенная – настоящая. С болью, с нервом, с тем, что не выставляют напоказ, но есть у каждого.

Она задержалась у одной работы. Женская фигура, наполовину скрытая тканью, тянула руки куда-то вверх, к невидимому. В этом жесте было столько надежды и столько отчаяния, что у Даши защипало в носу.

– Нравится? – раздалось за спиной.

Она обернулась. Рядом стоял мужчина. Лет тридцать пять, небритый, в свитере с закатанными рукавами, руки в мелких царапинах и следах глины. Глаза спокойные, тёплые, но в глубине – грусть, которую он, кажется, носил в себе давно и уже привык.

– Не знаю, – честно сказала Даша. – Она странная. Тянется к чему-то, чего нет. Это же безнадёжно?

– А вы считаете, надежда должна быть только на то, что рядом?

Она задумалась. Потом улыбнулась – редко, только когда встречала что-то настоящее.

– Наверное, нет.

– Это моя работа, – сказал он. – Я Костя.

– Даша.

Они помолчали, глядя на скульптуру. Вокруг гудели голоса, звенели бокалы, а они стояли вдвоём перед этой тянувшейся в никуда женщиной, и молчание было не неловким, а своим.

– А почему она тянется? – спросила Даша.

– Потому что не может не тянуться. Даже если знает, что не дотянется. Это и есть жизнь – тянуться. Без этого мы просто мясо.

Она посмотрела на него в профиль: резкие линии, упрямый подбородок, в уголках глаз морщинки – те, что бывают у людей, которые много думают и много молчат.

– Вы всегда так говорите? – спросила она.

– Как?

– Как будто режете правду-матку.

Он усмехнулся.

– А вы всегда так прямо спрашиваете?

– Только когда интересно.

Он кивнул на скульптуру:

– Хотите, покажу, как она сделана? У меня мастерская рядом.

Она подумала секунду. Обычно она не ходила с незнакомыми мужчинами в мастерские. Но здесь было что-то другое. Ни хищности, ни мужской самоуверенности, которая обычно отталкивала. Только усталость? Или глубина? Она не могла понять.

– Покажите, – сказала она.

Мастерская оказалась огромным помещением с высокими потолками, залитым светом от больших окон. Здесь пахло глиной, деревом, металлом и ещё чем-то неуловимым – тем особенным запахом, который бывает только в местах, где создают.

Он показывал ей инструменты, рассказывал про материалы, про то, как рождается форма из бесформенной глыбы. Она слушала и смотрела на его руки. Они были красивыми – сильными, но при этом какими-то нежными. Когда он касался глины, казалось, что она оживает под пальцами.

– А вы сами чем занимаетесь? – спросил он, закончив экскурсию.

– Я архитектор, – сказала она. – Проектирую дома.

– Дома, – повторил он. – Это интересно. Вы даёте людям место, где они живут. А я – место, где они чувствуют.

– Звучит пафосно, – улыбнулась она.

– Знаю. Но я правда так думаю.

Она посмотрела на него. В сером свете вечера, падающем из окон, его лицо было спокойным и настоящим. Без масок, без попыток казаться кем-то другим.

И в этот момент он улыбнулся – просто, открыто, без задней мысли. И в этой улыбке было что-то лёгкое, тёплое, почти детское. Она потом не могла объяснить, что именно. Просто запомнила это ощущение: будто внутри что-то щёлкнуло и сказало: «Вот он».

– У вас ямочка на щеке, – сказала она вдруг. – Когда улыбаетесь.

Он смутился, провёл рукой по щеке:

– Да, ерунда.

– Не ерунда. Это красиво.

Он посмотрел на неё внимательно. Потом спросил:

– Вы замужем?

– Нет.

– А с кем-то?

– Нет.

– А почему?

Она засмеялась:

– Вы всегда так прямо?

– Только когда интересно, – ответил он её же словами.

Они разошлись через час. Она ушла с его номером в телефоне и с ощущением, что случилось что-то важное. Что-то, чего она уже давно не чувствовала.

Через неделю они встретились снова. Потом ещё. Потом он позвал её в мастерскую ночью, чтобы показать, как работает при свечах. Потом она осталась до утра.

Всё было правильно. Всё было вовремя. Всё было так, как должно быть.

Она смотрела на него и думала: «Вот оно. Наконец-то».

Он смотрел на неё и видел ту самую искру – её остроумие, её способность быть живой и настоящей.

Они ещё не знали, что за этой лёгкостью – целая девушка. Со своим прошлым, со своими страхами, со своей болью. Что за его улыбкой – груз старых обид, которые он носил в себе годами и никому не показывал.

Они были влюблены. А влюблённость, как известно, слепа.

И глуха.

И очень, очень красива.

Она открыла глаза.

За окном всё так же горели огни. Костя всё так же сидел напротив, сжимая её руку. Молчание длилось, наверное, несколько секунд, но ей показалось – вечность.

– О чём ты думаешь? – спросил он.

– О том, как мы встретились, – сказала она. – Помнишь?

Он помолчал. Потом кивнул.

– Помню.

– Мы тогда были другими.

– Мы были теми, кто мы есть. Просто ещё не знали этого.

Она посмотрела на их переплетённые пальцы. Те самые, которые когда-то сжимались от нежности. Теперь – от страха.

– Костя...

– Что?

– Мы ещё можем это спасти?

Он долго молчал. Потом поднял на неё глаза. В них было то, чего она не видела давно: не усталость, не раздражение. А что-то другое. Может быть, надежда. Может быть, страх. А может, и то и другое вместе.

– Не знаю, – сказал он честно. – Но я хочу попробовать.

Она сжала его пальцы. Не как тонущая – как женщина, которая только что поняла, что ещё не всё потеряно.

– Давай попробуем, – сказала она.

За окном зажглись новые огни. В доме напротив кто-то включил свет на кухне, и в этом жёлтом квадрате мелькнули тени – двое, они двигались вместе, может быть, танцевали, а может быть, просто жили.

Даша посмотрела на Костю. Он смотрел туда же.

– Интересно, – сказал он, – они счастливы?

– Не знаю, – ответила она. – Но они вместе.

– Мы тоже вместе.

– Да. Мы тоже.

Они сидели и молчали. Но это молчание было другим. Не стеной – мостом. Хрупким, шатким, но мостом.

Впереди была ночь. А за ней – новый день.

И они ещё не знали, что их ждёт. Но они были готовы идти. Потому что любовь – это не когда всё хорошо. Это когда ты выбираешь человека, даже зная, что будет трудно.

Они выбирали.

Пока ещё выбирали.

Глава 2. Вся девушка

Первые три месяца они жили в режиме «без тормозов».

Костя приезжал к ней после работы с букетами, которые сам собирал на рынке – нелепые, разносортные, но почему-то именно такие нравились ей больше, чем магазинные, стерильно-правильные. Она пекла ему пироги, хотя терпеть не могла возиться с тестом, и с удивлением обнаруживала, что улыбается, когда руки по локоть в муке.

Они говорили ночами. Обо всём. О том, как он в детстве собирал конструкторы и мечтал строить города, а стал лепить странных баб с поднятыми руками. О том, как она в четырнадцать лет написала стихи, которые до сих пор стыдно вспоминать, но выкинуть жалко. О том, что будет через десять лет, через двадцать, когда состарятся и станут смешными.

– Мы не будем смешными, – говорил он, глядя на неё в темноте. – Мы будем красивыми стариками. Будем сидеть на веранде и ругать молодёжь.

– Я не умею ругать, – смеялась она. – Я буду молча закатывать глаза.

– И этого достаточно.

Она засыпала у него на плече, чувствуя, как его дыхание поднимает и опускает её голову, и думала: «Вот оно. Наконец-то нашлось. То самое, что искала всю жизнь».

Он смотрел, как она спит, и думал примерно то же самое, только, другими словами. Он вообще думал другими словами – медленнее, тяжелее, но глубже, как будто каждую мысль приходилось доставать со дна колодца.

Им казалось, что они знают друг о друге всё. Что эти ночные разговоры, эти общие утра с кофе – это и есть та самая близость, о которой пишут в книгах.

Они не замечали, что говорят в основном о прошлом. О том, что уже пережито и переварено.

О будущем они говорили как-то обще. «Будем», «по-

едем», «сделаем». Без деталей. Без того, чтобы сесть и расписать: а как именно мы это будем делать? Где жить? На что жить? Что будет, если...

Она как-то попыталась заговорить об этом. Сидели на кухне, пили чай, и она вдруг спросила:

– А ты вообще представляешь нашу жизнь через год?

Он посмотрел на неё поверх кружки, задумался.

– Представляю. Ты в своём бюро, я в мастерской. Вечером встречаемся, готовим ужин, ругаемся, кто будет мыть посуду.

– И всё?

– А что ещё? Дети, наверное. Если захотим.

– Это не ответ, Кость. Это картинка. Я про детали.

Он отставил кружку, взял её за руку:

– Детали появятся сами. Нельзя же всё распланировать.

Жизнь – она не чертёж.

– А для меня чертёж, – сказала она тихо. – Я архитектор.

Я привыкла сначала рисовать, потом строить.

– А если рисовать не получается? Если надо просто верить?

Она тогда промолчала. Не потому что согласилась, а потому что не хотела спорить. Первые месяцы – не время для споров.

Он был её кратким содержанием, её ямочкой на щеке. Она смотрела на его улыбку и думала, что знает всё. А за улыбкой скрывался целый человек. Со своей усталостью, со своей

привычкой уходить в себя, со своим страхом, что его не примут таким, какой он есть. Она ещё не знала этого. Но скоро узнает.

Потом были выходные за городом. Они сняли домик, гуляли по лесу, собирали грибы, которые потом выкинули, потому что никто не умел их готовить. Вечером сидели у камина, пили вино, и он вдруг сказал:

– Знаешь, чего я боюсь?

– Чего?

– Что однажды ты проснёшься и поймёшь: я не тот, кого ты искала.

– Глупости.

– Нет, серьёзно. Ты такая... собранная, ясная. Ты знаешь, чего хочешь. А я... я просто плыву.

– Ты не плывёшь, ты творишь. Это другое.

– Творю, – усмехнулся он. – Творю баб с поднятыми руками. Кому это нужно?

– Мне нужно, – сказала она. – Ты даёшь людям то, чего у них нет. Чувство.

– А тебе? Я даю тебе что-то?

Она посмотрела на него. В отблесках огня его лицо было напряжённым, почти испуганным.

– Ты даёшь мне себя, – сказала она. – Этого достаточно.

Он улыбнулся. Та самая ямочка. Она поймала себя на мысли, что готова смотреть на неё вечно.

– Иди сюда, – сказал он.

Она пересела к нему, уткнулась носом в плечо. Пахло дымом, деревом и им – тем особенным запахом, который она уже научилась узнавать среди тысячи других.

– Кость...

– М?

– Я тебя люблю.

Он поцеловал её в макушку.

– И я тебя.

За окнами шумел лес. В камине потрескивали дрова. Им казалось, что так будет всегда.

Они не знали, что «всегда» – это не то, что случается само. Что его нужно строить. Каждый день. По кирпичику.

Но пока они просто сидели и смотрели на огонь.

Через полгода они съехались.

Квартиру искали долго. Она хотела в центре, чтобы близко до работы, он – с окнами во двор, потому что «не выношу шума». Она хотела с высокими потолками «чтобы дышать», он – с большой кухней «чтобы поместились все мои банки с глиной». В конце концов нашли компромисс: окраина, старый фонд, трёшка с высокими потолками и огромной кухней. Окна выходили во двор, до работы было час, но она решила, что час – это не так страшно, когда есть с кем возвращаться.

Первый месяц в новой квартире был похож на медовый. Они расставляли мебель, вешали полки, спорили о том, куда

повесить его любимую скульптуру (она победила: в спальню, «чтобы просыпаться и видеть»). Она учила его складывать носки (он упорно отказывался), он учил её не мыть кисти сразу после работы (она упорно мыла, потому что «порядок должен быть»).

– Ты перфекционистка, – говорил он, глядя, как она раскладывает ложки по размерам.

– Ты неряха, – отвечала она, поднимая с пола его футболку.

– Мы идеально дополняем друг друга.

– Мы безнадёжны.

Они смеялись и шли пить чай.

Им казалось, что это и есть счастье. Не то, которое в кино, с оркестрами и признаниями под дождём. А то, которое здесь: в общем утре, в общем вечере, в общей кровати, в общей жизни.

Они не замечали, как начинают раздражаться по мелочам. Как её привычка всё планировать натывается на его «посмотрим, как пойдёт». Как его манера уходить в себя, когда он устал, она воспринимает как холодность. Как её попытки заговорить «по душам» он воспринимает как давление.

Это были мелочи. Пылинки. Ничтожные вещи, на которые не обращаешь внимания, пока их слишком много не накопится.

Они пока не знали, что пылинки имеют свойство превращаться в камни.

Первая серьёзная ссора случилась из-за денег.

Она пришла с работы уставшая, злая, с головной болью. У них был аврал, дедлайн горел, заказчик внёс правки в последний момент, и ей пришлось переделывать чертежи всю ночь. Она мечтала только об одном: прийти домой, залезть в ванну и лежать там час, не думая ни о чём.

Он встретил её вдохновлённый, с горящими глазами.

– Ты не представляешь! Мне заказали скульптуру! Настоящую! Для городского парка! Конкурс выиграл!

– Поздравляю, – сказала она, снимая пальто. – Я сейчас в ванну.

– Подожди! Я хочу рассказать! Это такая идея! Я всё продумал, там будет композиция из трёх фигур, они будут симболизовать...

– Кость, я устала. Давай вечером?

– Но это же важно! Ты не понимаешь, это шанс всей жизни!

– Я понимаю. Я правда рада. Но я хочу просто пять минут тишины.

– Пять минут? Я тебя неделю почти не видел, ты пропадешь на работе, а когда приходишь – у тебя нет пяти минут?

Она остановилась на пороге ванной.

– Ты серьёзно? Я ночь не спала, у меня голова раскалывается, а ты мне устраиваешь сцену?

– Я не устраиваю сцену. Я просто хочу поделиться с тобой

тем, что для меня важно. А тебе плевать.

– Мне не плевать. Мне просто плохо.

– Тебе всегда плохо. Ты всегда уставшая. Ты всегда занята. А я что? Я должен ждать, когда у тебя появится настроение меня слушать?

– Знаешь, что, – она повернулась к нему, и в глазах у неё стояли слёзы – от усталости, от обиды, от этой глупой ссоры.

– Если тебе так важно, чтобы тебя слушали прямо сейчас, иди найди кого-нибудь другого. Кто не уставший и не занятой.

– Ты это серьёзно?

– Не знаю. Я ничего не знаю. Я хочу в ванну.

Она закрыла дверь. Слышала, как он что-то сказал, потом хлопнула входная дверь.

Она просидела в ванне час. Потом вышла. Квартира была пуста. Его куртки на вешалке не было.

Она легла на кровать и заплакала. Не потому что они поссорились, а потому что внутри было пусто и холодно, и непонятно, как из этого выбираться.

Он вернулся под утро. Она не спала, лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Услышала, как скрипнула дверь, как он разулся, как прошёл на кухню. Потом тишина.

Она встала, пошла на кухню. Он сидел за столом, сжимая в руках кружку с остывшим чаем.

– Извини, – сказал он, не глядя на неё.

– И ты меня.

– Я психанул. Просто... я так хотел, чтобы ты порадовалась со мной. А ты...

– А я человек. Который иногда устаёт.

– Знаю. Я дурак.

Она села, напротив. Взяла его руку.

– Я правда рада за тебя. Правда. Просто... дай мне иногда время прийти в себя. Хорошо?

– Хорошо. А ты... дай мне иногда быть эгоистом. Я не со зла.

– Договорились.

Он улыбнулся. Та самая ямочка. Она улыбнулась в ответ.

Им казалось, что они всё решили. Что этот разговор – мост, который они построили через пропасть непонимания. Что теперь будет легче.

Они не знали, что мосты приходится строить каждый раз заново. Что каждая ссора оставляет трещину. Что слова «я дурак» и «я устала» со временем перестанут быть извинениями и станут просто словами.

Но пока они сидели на кухне, держась за руки, и за окнами светало. Новый день начинался. Новый шанс начинался.

Они ещё верили, что этого достаточно.

Через год после знакомства они поженились.

Свадьба была скромной – расписались, посидели с близкими в кафе, никакого платья, никакой фаты, никаких «горько». Она сказала: «Я не хочу этот цирк». Он согласил-

ся: «Я тоже».

Вечером они вернулись в свою квартиру, открыли бутылку вина, которое купили год назад в тот самый домик за городом, и сидели на кухне, глядя друг на друга.

– Ну что, муж, – сказала она. – Поздравляю.

– И тебя, жена. С ума сойти.

– Страшно?

– Немного. А тебе?

– Тоже. Но хороший страх. Как перед прыжком в воду.

– Не захлебнись.

– Ты будешь рядом, – она улыбнулась. – Спасёшь.

– Обязательно.

Они чокнулись. Выпили. Помолчали.

– Знаешь, – сказал он вдруг. – Я вот думаю: а что такое любовь?

– Ты сейчас серьёзно? В свадебную ночь?

– А что? Время подходящее. Сидим, вино пьём, никуда не спешим. Самое время поговорить о важном.

– Ну давай, философ. Что такое любовь?

Он задумался. Потом сказал:

– Не знаю. Наверное, это когда человека выбираешь. Каждый день. Даже когда он бесит.

– Красиво.

– А ты как думаешь?

Она посмотрела в окно, на огни вечернего города.

– Я думаю, любовь – это когда ты видишь не только свет-

лые стороны. А всё целиком. И всё равно выбираешь.

– Это ты к чему?

– К тому, что ты мой муж. И я теперь обязана знать тебя всего. Со всеми твоими тараканами.

– Тараканов нет. Я их вывел.

– Врёшь. Но я проверю.

– Проверяй. Я не против.

Он подошёл к ней, обнял сзади, уткнулся носом в макушку.

– Я тебя люблю, – сказал он.

– И я тебя.

За окнами горел город. В их кухне горел свет. Им казалось, что так будет всегда.

Они ещё не знали, что впереди – годы, в которых будет всякое. Что однажды они будут сидеть за этим же столом и молчать так, что молчание будет громче любых слов. Что однажды она протянет ему руку, и это будет не жест нежности, а жест отчаяния.

Но пока они просто стояли, обнявшись, и смотрели на огни.

Пока ещё можно было просто стоять и смотреть.

Глава 3. Голова и шея

После свадьбы всё как-то уплотнилось.

Раньше они встречались, виделись, расставались, скучали. Было пространство для дыхания. Были свои углы, куда

можно уйти и побыть собой. Теперь эти углы исчезли. Осталась одна общая территория, на которой нужно было как-то уживаться.

Даша думала, что это просто – любовь же. А любовь, как известно, горы сворачивает. Но горы, как выяснилось, сворачивать легче, чем каждый день договариваться о том, кто сегодня моет посуду.

Она не заметила, как стала главной по жизни.

Это случилось не в один день. Сначала она просто предлагала: «Давай запишемся к врачу, у тебя давно спина болит». Потом: «Я позвоню твоей маме, поздравлю с днём рождения, ты же опять забудешь». Потом: «Кость, завтра приходят сантехники, ты не мог бы быть дома?» – «Я не могу, у меня мастерская». – «Ладно, я сама отпрошусь».

Она отпрашивалась. Звонила. Записывала. Планировала. Организовывала.

А он просто жил.

Он ходил в мастерскую, лепил своих баб, приходил домой, ел, иногда мыл посуду, иногда нет, садился в кресло и смотрел в одну точку. Или говорил. О своих проектах, о заказах, о том, что хочет сделать такую скульптуру, какой ещё никто не делал.

Она слушала. Кивала. Улыбалась. И параллельно листала в голове список дел на завтра: забрать химчистку, оплатить коммуналку, купить продукты, позвонить его маме (потому что он опять забудет), заехать в мастерскую за его новой ра-

ботой (потому что он обещал сдать, а сам не успевает) ...

– Ты меня слушаешь? – спросил он однажды.

– Да, конечно. Ты про композицию из трёх фигур.

– Я про то, что хочу сделать серию про людей, которые потеряли друг друга. Ты вообще слышишь, что я говорю?

– Слышу. Потеряли друг друга. Красиво.

Он посмотрел на неё внимательно.

– Ты устала.

– Немного.

– Иди ложись. Я сам тут.

– А ужин?

– Я что-нибудь придумаю.

Она улыбнулась, поцеловала его в лоб и ушла в спальню.

Он остался на кухне, глядя в окно. Она уже спала, когда он пришёл. Или делала вид, что спит.

Утром он нашёл на столе записку: «Продукты в холодильнике. Оплатила коммуналку. Целую».

Он долго смотрел на эту записку. Потом скомкал и выбросил.

Через месяц у неё случился аврал на работе.

Она приходила за полночь, падала без сил, а утром убежала снова. Он пытался помочь: готовил ужин (получалось не очень), пытался говорить (она засыпала на середине фразы), предлагал массаж (она говорила: «Кость, я просто хочу спать»).

В какой-то момент он перестал пытаться.

Она пришла в пятницу вечером, свалила сумку в прихожей и рухнула на диван. Он сидел в кресле и читал книгу про какого-то скульптора эпохи Возрождения.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответил он, не отрываясь от книги.

– Ты есть хочешь?

– Я перекусил.

– А я нет.

– В холодильнике есть что-то.

Она заставила себя встать, пошла на кухню. Открыла холодильник. Там стояла начатая пачка молока, полбанки солёных огурцов и засохший сыр.

– Кость, а где продукты? Я же просила купить.

– Я не успел. Работал.

– Ты всегда работаешь.

– А ты всегда приходишь и начинаешь меня пилить.

Она закрыла холодильник. Вернулась в комнату.

– Я тебя не пилю. Я просто спросила.

– Ты спросила так, будто я обязан.

– Ты не обязан. Но мог бы помочь. Я с ног валюсь.

– Я тоже не отдыхаю, между прочим. У меня заказ, сроки горят.

– У меня тоже, Кость. У меня тоже.

Они замолчали. Он отложил книгу, посмотрел на неё.

– Даш, я понимаю, что тебе тяжело. Но я не знаю, как те-

бе помочь. Ты всё делаешь сама. Ты не просишь. Ты просто ждёшь, что я догадаюсь. А я не догадываюсь.

– А должен догадываться? – она устало провела рукой по лицу. – Я твоя жена, а не начальник. Я не должна тебе приказывать.

– Вот именно. Ты не должна. Но ты и не просишь. Ты просто делаешь всё сама, а потом обижаешься, что я не участвую.

– А ты хочешь участвовать?

– Хочу. Но когда ты всё решаешь за меня, я чувствую себя... не знаю... лишним.

– Ты не лишний. Ты просто... – она запнулась, подбирая слово. – Ты как будто не здесь.

– А где я должен быть? Я в мастерской, я работаю, я приношу деньги. Не много, но приношу. Я не сижу на шее.

– Я не про деньги. Я про... про нас. Про то, что мы перестали быть вместе. Мы просто живём в одной квартире.

– Мы вместе. Просто ты много работаешь.

– И ты много работаешь.

– И что? Это жизнь. Мы не можем всё время обниматься.

– Я не про обниматься. Я про... – она махнула рукой. – Не знаю. Забудь.

Она ушла в спальню. Он остался в кресле, глядя в одну точку.

Они не разговаривали два дня.

На третий день он пришёл с букетом. Нелепым, разносортным – таким же, как в самом начале. Она смотрела на эти цветы и не знала, плакать или смеяться.

– Ты прости, – сказал он. – Я дурак.

– Ты не дурак. Ты просто... другой.

– Это плохо?

– Это не хорошо и не плохо. Это просто есть. Мы разные.

Очень разные.

Он сел, напротив.

– Даш, я хочу, чтобы у нас получилось. Я правда хочу. Но я не умею так, как ты. Я не умею планировать, организовывать, думать на десять шагов вперёд. Я просто живу. День за днём.

– А я не умею по-другому, – сказала она. – Я привыкла отвечать за всё. За себя, за нас, за дом. И когда ты не включаешься, мне кажется, что мне всё одной тащить.

– Так давай делить. Ты будешь говорить, что нужно, а я буду делать.

– Я не хочу тебе приказывать.

– А ты не приказывай. Проси. Я услышу.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Она посмотрела на него. На эту ямочку, которая появлялась, когда он улыбался. На руки, которые могли из бесформенной глины создавать живое. На глаза, в которых была усталость, но была и любовь.

– Хорошо, – сказала она. – Буду просить.

Он обнял её. Она уткнулась ему в плечо. Пахло мастерской, глиной и им.

– Кость...

– М?

– Я правда тебя люблю. Даже когда злюсь.

– И я тебя. Даже когда ты меня пилишь.

– Я не пилю.

– Пилишь. Но это нормально.

Они стояли посреди кухни, обнявшись, и за окнами горел вечерний город. Им казалось, что они нашли решение. Что теперь будет по-другому.

Они не знали, что просить – это не то же самое, что слышать. Что его обещания будут разбиваться о его привычку быть «шеей», которая поворачивается только тогда, когда голова решает. Что она будет продолжать тащить, потому что не умеет иначе, а он будет продолжать наблюдать, потому что не умеет по-другому.

Но пока они просто стояли и верили.

Верить – это тоже важно.

Глава 4. Слепая и глухой

Родители Даши приехали в гости через полгода после свадьбы.

Она готовилась три дня. Перемыла все окна, перетряхну-

ла шкафы, купила новое постельное бельё и полотенца. Костя смотрел на этот аврал с лёгким недоумением.

– Ты чего паникуешь? Это же твои родители.

– Вот именно поэтому, – ответила она, протирая пыль в углах, куда никто никогда не заглядывал. – Они всё видят.

– Что «всё»?

– Всё. Мама у меня... особенная.

Он не понял, но спорить не стал. Помог донести сумки из магазина, за что получил благодарный поцелуй и тут же был отправлен в душ – «приведи себя в порядок, не позорь».

Он стоял под горячей водой и думал: интересно, что значит «не позорь»? Он что, зять-алкоголик? Бомж? Руки у него были в порядке, лицо тоже, одежду он надел чистую – что ещё надо?

Потом понял: надо было не просто чистую, а «правильную». Ту, в которой он выглядит «солидно». У него такой не было.

Он вышел из душа и застал картину: Даша металась по комнате, перебирая его рубашки.

– Вот эта, – сказала она, протягивая ему голубую, которую он надевал два раза в жизни. – И джинсы надень нормальные, не те, в которых работаешь.

– Даш, я в мастерской в робе работаю. Эти джинсы почти новые.

– Они старые, Кость. У них потёртости.

– Это модно.

– Это не модно, это неряшливо. Надень другие.

Он вздохнул и надел другие.

Родители приехали на машине. Отец – подтянутый, седой, с дорогими часами на запястье. Мать – ухоженная, с идеальной укладкой и оценивающим взглядом, который прошёлся по Косте с головы до ног быстрее, чем они успели поздороваться.

– Ну здравствуй, зять, – сказала мать, целуя воздух возле его щеки. – Даша много о тебе рассказывала.

– Взаимно, – сказал Костя и сразу понял, что сказал что-то не то.

За ужином было шумно. Отец рассказывал про свою работу, про новые проекты, про то, как они с матерью недавно ездили в Италию. Мать поддакивала, вставляла комментарии, поправляла отца в деталях – он послушно поправлялся. Даша слушала и кивала, а Костя сидел и думал: «Они говорят, но не слышат друг друга. Она его поправляет, он подчиняется. Это что, любовь?»

Потом мать переключилась на них.

– Ну а вы? Когда внуков?

– Мам, – сказала Даша с улыбкой, которая должна была означать «не сейчас».

– Что «мам»? Год уже вместе, полгода в браке. Пора думать.

– Мы думаем.

– Думают они, – мать покачала головой. – Вы, молодые,

всё думаете, а жизнь проходит. Я в твоём возрасте уже тебя
родила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.